

ровка, что привело к союзу с Аргосом (Thuc., I, 102) и к остракизму Кимона. Но все это происходило уже после Архедеида¹.

При допущении посмертной постановки «Просительниц» можно найти более подходящего архонта, имя которого начиналось бы с группы 'Ар-. Таков, например, Архий — архонт 419/18 г., после того, как в 420 г. был заключен союз афинян с Аргосом, Мантинеей и Злеей (Thuc., V, 47), или Аримнест — архонт 416/5 г., после новой победы демократии в Аргосе (Thuc., V, 82). На Дионисиях 418 г.² посмертная постановка трилогии о дочерях Даная была бы вполне уместна. Предполагаемую факсимильной формой текста первую строку можно было бы дополнить.

ἔπι Ἀρχίου τραγῳδῶν πρῶτος

«...При Архии: из трагических поэтов первый...» (ср. сочетание πρῶτος ἐνίκα в дидаскалиях к «Всадникам» Аристофана, ἐνίκα πρῶτος в дидаскалии к «Осам»).

Разумеется, архонтство Архия предлагается здесь только в качестве одной из возможностей. Предположение это я не могу считать обоснованным уже потому, что я не считаю достаточно обоснованной самую факсимильную форму текста, из которой оно исходит. Всем предыдущим изложением я стремился доказать одно: папирус O. P. 2256, fr. 3 представляет столько возможностей разных толкований, что никаких хронологических выводов о постановке или написании «Просительниц» из него делать невозможно. Те исследователи, которые на основании нового текста требуют отказа от прежних датировок, явно поторопились.

Спор о «Данаидах» может продолжаться. «Переисследование» «Просительниц», которого требовал В. Нестле, является первоочередной задачей эсхиловедения. Но это «переисследование» должно по-прежнему вестись методами историко-идеологического и историко-стилистического анализа. Папирус O. P. 2256, fr. 3 не может быть привлечен к решению этого вопроса, и его толкование само зависит от выводов, к которым исследователи придут на основании упомянутых методов.

Проф. И. М. Тронский

ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В РОМАНЕ КСЕНОФОНТА ЭФЕССКОГО «ЭФЕССКИЕ ПОВЕСТИ»

(К вопросу о датировке романа)

Бесспорно, что произведения художественной литературы являются свидетельством и отражением социальной жизни и идеологии современного им общества. Тем не менее греческие любовные романы считались совершенно аполитичными и далекими от действительности. Однако такая оценка их является необоснованной и анализ одного из типичных образцов этого жанра — романа Ксенофонта Эфесского «Эфесские повести» дает возможность показать, насколько несправедливо такое мнение.

¹ Дружественная позиция Эсхила по отношению к Аргосу обнаруживается в «Эвменидах» (458 г.), ст. 290 сл.; 762—774. С чисто политической точки зрения, если бы Ἰκέτιδες были поставлены в 460-х годах, то это могло иметь место только в 461, потому что уже в 459 г., когда афиняне были в союзе с восставшим против персов Египтом, невозможно было бы на афинской сцене столь враждебное изображение сыновей Египта, как мы имеем это в «Просительницах».

² На Ленеях в архонтство Архия были поставлены другие пьесы (IG, II, 972, ср. Wilhelms, ук. соч., стр. 53).

Филологическая наука не располагает никакими сведениями об авторе романа, все выводы приходится строить на исследовании его текста. Первый вопрос, интересовавший ученых, занимавшихся романом Ксенофонта, это — время написания романа. При решении этого вопроса обычно шли двумя путями: одни исследователи прибегали к сравнению «Эфесских повестей» с другими романами той же плеяды («Эфиопика» Гелиодора, роман Харитона, «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Левкиппа и Клитофон» Ахилла Татия), чтобы путем сопоставления сходных мест определить — кто из романистов у кого заимствовал, кто писал раньше, кто позже. Однако этот путь совершенно ненадежен и формалистичен по своей сути. Результаты исследования в этом случае неизбежно зависят от субъективной оценки ученых: то, что, по мнению одних, например, Шассана¹, Кирпичникова², Ксенофонт заимствовал у Гелиодора, по мнению других, например, Шмида³, Людвиговского⁴, Тодда⁵, представляет как раз развитие Гелиодором мотивов Ксенофонта. К тому же исследователи часто не приходят к согласию относительно датировки жизни и творчества тех романистов, с текстом сочинений которых они производят сравнения. Такое сравнение может представлять интерес лишь для определения тех связей, которые могли существовать у романистов друг с другом, но каких-либо твердых сведений о времени написания романа извлечь таким путем нельзя. Достаточно сказать, что, идя таким путем комментаторы и исследователи творчества Ксенофонта Эфесского помещают время его жизни и написания романа на столь большой отрезок времени — от II до V века, что такая хронология, по сути дела, вообще уничтожает датировку романа и время жизни его автора.

Другой путь для определения даты «Эфесских повестей» — опора на имеющиеся в тексте упоминания исторических событий, лиц и мест. Хотя этих данных в романе немного, но они позволяют все же сделать известные выводы. Первая попытка датировки романа на этом основании предпринята в «Опыте исследования Ксенофонта Эфесского» И. Касперия⁶. Касперий приводит свидетельства текста, позволяющие очертить хронологические границы: 1) В романе упоминается префект Египта, следовательно, он написан позднее правления Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), установившего эту должность⁷. 2) В романе действует ирнарх Киликии, следовательно, он не мог быть написан раньше правления Адриана (117—138 гг. н. э.), при котором был введен институт ирнархов (наблюдатели за общественным порядком)⁸. Отменен был этот институт в 409 г. при императорах Гонории и Феодосии, из чего Касперий делает вывод, что Ксенофонт писал раньше этой даты. Дальше Касперий сужает хронологические рамки на основании еще некоторых данных текста. 3) Ксенофонт рассказывает о казни путем распятия на кресте, на которую был осужден Габроком — главный герой романа. Казнь же эта была отменена императором Константином (306—337 гг. н. э.)⁹. Следовательно, роман написан до времени правления Константина. 4) Ксенофонт изображает Эфес цветущим городом, культ и храм Артемиды весьма почитаемым и известным, следовательно, он писал до разграбления и сожжения этого

¹ A. Chassang, Histoire du roman et de ses rapports avec l'histoire dans l'antiquité grecque et latine, P., 1862, стр. 423.

² А. Кирпичников, Греческие романы в новой литературе, Харьков, 1876, стр. 67.

³ W. Schmid, Der griechische Roman, «Neue Jahrbücher für das klass. Altertumsw.» 13, вып. 1—10, 1904, стр. 465—485.

⁴ I. Ludvíkovský, Řecký roman dobrodružný, Praze, 1925, стр. 98.

⁵ F. A. Todd, Some ancient novels, L., 1940, стр. 7.

⁶ I. Casperii specimen dissertationis de Xenophonte Ephesio, 1740; Источники, приведенные в дальнейших сносках, подтверждают правильность доводов Касперия.

⁷ Res gestae divi Augusti, 27; Suet, Aug., 18; Dio Cass., LI, 17.

⁸ Iust., Digesta XLVIII, 3, 6; L, 4, 18, 7.

⁹ Aur. Vict., De Caes., XLI, 4.

храма в 262 г. н. э. и последующего опустошения Эфеса¹. Касперий отвергает предположение, что Ксенофонт, может быть, жил позднее, но допустил искусственную архаизацию, так как никаких анахронизмов, по его мнению, в романе незаметно. Поэтому он делает вывод, что Ксенофонт жил во второй половине II в.—первой половине III века н. э.

В дальнейшем, большинство ученых, занимавшихся исследованием «Эфесских повестей» и устанавливавших время их написания, не выходит за эти хронологические рамки, но идет лишь по линии их уточнения². Так, Лопелла приводит дополнительный довод в пользу датировки Касперия: Ксенофонт упоминает святилище Аполлона Колофонского, процветавшее во II—III вв. и совершенно исчезнувшее потом в свидетельствах греческих и латинских писателей. Роде подтверждает приведенные выше аргументы соображением, что роман не произвел на него впечатления искусственной реставрации далекого прошлого (что чувствуется, по словам Роде, у Ямблиха, Гелиодора, Харитона). Древние обычаи (похороны, свадебные празднества и т. д.) описываются как известные, больше намеком, чем как если бы они были разработаны писателем с антикварной точностью³. В статье «Ксенофонт Эфесский» в «Biographie universelle...» отмечается, что Ксенофонт писал, видимо, до смерти Коммода (192 г.), так как после Коммода последовал период ожесточенных гражданских войн, и, если бы писатель был их свидетелем, он не мог бы не отразить их в своем произведении и не воспользоваться теми средствами, которые доставили бы ему современные события «для живописания несчастий героев» (стр. 399). Дальмейда добавляет еще одно соображение: обряд кровавого жертвоприношения Аресу в Киликии, описанный в романе (II, 13), является архаическим, и его упоминание заставляет думать, что автор жил в Азии в то время, когда влияние христианства в ней еще мало ощущалось⁴. Подводя итог всем вышеуказанным аргументам, которые он приводит в своей статье, Дальмейда считает наиболее вероятным, что «Эфесские повести» написаны в последней трети II в. н. э. Его мнение представляется мне наиболее правильным и обоснованным, а предлагаемая датировка наиболее вероятной. Вместе с тем мне представляется возможным обратить внимание и на то, что рассмотрение нашедших отражение в романе вопросов социальной значимости дает также дополнительные возможности датировать время его написания именно II веком. Поэтому, если посмотреть на роман с такой точки зрения, то он, несомненно, заслуживает быть предметом специального изучения.

Рассмотрение романа со стороны тех социальных вопросов, которые интересуют Ксенофонта Эфесского, вполне подтверждает, что роман можно отнести ко II в. н. э., так как круг различных общественных и социальных явлений, затронутых в нем, близок к тем, которые интересовали писателей различных жанров в эпоху ранней Римской империи. В то же время это наблюдение показывает, что Ксенофонт не был изолирован и от влияния более раннего времени и не остался без преемников в более позднее время. В романе затронуты такие стороны и явления общественной жизни: вопрос о положении женщины и моральном уровне общества, вопросы рабства и разбойничества, религии и философии, которые дают возможность видеть в романе не только отра-

¹ A u r. V i c t., De Caes., XXXIII.

² Из наиболее основательных исследований можно назвать обширные комментарии к изданию романа в 1796 г. Лопеллы (Xenophontis Ephesii de Anthia et Habrocome Ephesiacorum libri V, recensuit, supplevit etc. A l o u y s - E m e r, Liber baro Locella, Vindobonae, 1796), книгу Э. Роде «Греческий роман и его предшественники» (E. R o h d e, Der griechische Roman und seine Vorläufer, B., 1876); большую статью о Ксенофонте Эфесском в «Biographie universelle ancienne et moderne» (т. 51, стр. 396—402) и вступительную статью Ж. Дальмейда к последнему изданию романа во Франции (G. D a l m e y d a, Introduction в кн. «Xenophon d'Éphèse. Les Ephésiaques ou le roman d'Habrocome et d'Anthia», P., 1926).

³ E. R o h d e, у к. соч., стр. 358.

⁴ G. D a l m e y d a, Introduction, стр. XIV.

жение определенных социальных условий, но и судить о симпатиях и антипатиях самого автора. Круг персонажей романа, или, употребляя современный термин, его социальная база, очень широк; в нем участвуют люди разных слоев общества: и первые граждане городов, и их рабы; и должностные лица Римской империи, и те, против кого они борются — разбойники; и бедняки, и богачи. Этой широтой охвата общества «Эфесские повести» превосходят все другие однотипные романы. Общественное лицо Ксенофонта станет еще более ясным, если сравнить характер освещения социальных проблем у него и у некоторых других авторов того же времени.

Первый социальный вопрос, затронутый в романе, это вопрос о взаимоотношениях полов, положении женщины и моральном уровне общества. Его подсказывает сама тема романа: в центре внимания автора — любовь и страдания в разлуке двух молодых людей, страдания, проистекающие, между прочим, и от того, что эти молодые люди возбуждают страсть почти в каждом, кто сталкивается с ними. Здесь Ксенофонт следует установившейся сюжетной схеме жанра греческого любовного романа: дивно прекрасные юноша и девушка — Габроком и Анфия — жители Эфеса, знакомятся на местном празднике Артемиды и влюбляются друг в друга с первого взгляда. Они сочетаются браком, а затем родители отправляют их в путешествие. На их корабль нападают пираты, и с этого начинается цепь злоключений. Вскоре юные супруги разлучаются, и каждый из них подвергается многочисленным опасностям, главная из которых — неоднократные покушения на их честь. Однако, несмотря ни на что, оба они свято соблюдают супружескую верность до благополучного воссоединения. По мере чтения романа очень ясно вырисовывается двойственное положение женщины в обществе: с одной стороны, она стоит на большой высоте, достойна того, чтобы соблюдать ей верность, несмотря ни на какие соблазны, угрозы и мучения, вплоть до смертной казни (так хранит Габроком верность по отношению к Анфии), она достойна всяческого доверия и уважения со стороны членов ее семьи, и со стороны общества¹. С другой же стороны, женщина совершенно бесправна и находится, как показывает пример Анфии, в полном подчинении у мужчины, который может потребовать от нее удовлетворения его прихоти не только по праву хозяина, купившего ее (индийский царек Псаммид — III, 11), или по праву военачальника, овладевшего ею в бою как военной добычей (ириарх Киликии Перилай — II, 13; уполномоченный архонта Египта Полиид — V, 4), но и просто по праву физически сильного (разбойник Анхиал — IV, 5). Эта картина бесправного и беспомощного положения женщины представлена в полном соответствии с каноническими требованиями к сюжету романа: это же есть и у Харитона, и у Гелиодора, и у других романистов.

Бесспорно что примеры этому романисты почерпнули из действительной жизни. В этих фактах следует видеть доказательства не только женского бесправия, но и низкого морального уровня общества, о чем также свидетельствуют и те домогательства со стороны Манто и Кино, которым подвергается Габроком, и имеющиеся в романе факты *paidikos ergos*. В романе неизменно доказывается, что для подчиненного человека — раба или пленника (будь то женщина или мужчина) небывалая удача — возбудить страсть своего владыки. Эти мотивы, обычные не только для романа Ксенофонта Эфесского, несомненно, являются отражением низкой морали рабовладельческого общества, свидетельством той печати, которую накладывало рабство на все явления жизни, в том числе и на взаимоотношения полов. Это четко сказалось в обрисовке положения женщины в романе. Оставшись без законной опеки семьи — отца или мужа, став купленной рабыней или пленницей, женщина в условиях рабовладель-

¹ По первому слову своей дочери Манто глава пиратов Апсирт подверг Габрокома жестоким побоям, как мнимого осквернителя ее девственности — II, 6; жители города Пелусия отдали Габрокома на суд архонта Египта по голословному обвинению его в убийстве мужа Кино, старого солдата, рабом которого он был — III, 12. Ср. роль женщины по другим источникам, например, Sen., Ad. Helv., 142: 19, 2; E p i c t., Diss., III, 7, 03; Z a n g e m e i s t e r, Ephem. epigr., I, стр. 51; 154.

ческого общества оказывается во власти произвола своего владельца и защиты ей нет¹. Но женщина в семье находится под охраной закона и достойна уважения. Несомненно, что в действительности женщина и в семье не пользовалась таким пистетом, каким она окружена в романах; однако, романист, безусловно, верно подметил ту разницу, которая существовала между положением женщины в семье и положением женщины — рабыни и пленницы. Если обратиться к свидетельствам других авторов², современных или почти современных Ксенофону Эфесскому, то представленная им картина двойственного, а в сущности беспривного и униженного положения женщины в условиях рабовладельческого общества получает полное подтверждение. Таким образом, в осуждении такого социального вопроса, каким является взаимоотношение полов и моральный уровень общества вообще, Ксенофонт Эфесский стоял на почве действительных условий жизни периода II в. н. э., характерных, впрочем, для всей античности. Роман Ксенофонта Эфесского, так же как и произведения других романистов, не лишены идеализации действительности. Гораздо более ярко описывает Ксенофонт положительные явления нравственной жизни: беззаветную любовь, прочную дружбу, крепкий брачный союз. Идеализация эта, впрочем, могла отвечать благородным задачам. Возможно, что романисты старались художественными средствами поднять моральный уровень общества. Очень естественно предположить, что создание образов идеальных любовников или супругов имело целью представить обществу благие примеры и убедить его следовать им. Это была та же пропаганда нравственного усовершенствования, которую вел, например, Плутарх в своих «Биографиях» и некоторых моральных трактатах, которую философски обосновывали Марк Аврелий и другие стоики, которая распространялась и христианством. Но эта пропаганда и ее идеалы не оказывали существенного влияния на моральный уровень общества³. Этот уровень вряд ли был многим выше, чем изображает его в своих сатирах Ювенал, яркими красками рисуя и пороки женщин и пороки мужчин⁴. Не менее резко осуждает аморальность общества и Лукиан, изображая горестное положение женщины в «Диалогах гетер»⁵. С этими диалогами Лукиана перекликается переписка гетер у Алкифрона, да и другие его письма, свидетельствующие о падении нравственности (упреки крестьянки мужу за склонность к гульбе, жалобы жены на измену мужа после тридцатилетнего супружества и др.)⁶. Таким образом, общность тему римских писателей и греческих романистов еще раз показывает и то, что Ксенофонт Эфесский имел перед собой действительно моральный уровень общества империи II века н. э. и то, что он так же, как и некоторые другие авторы хотел приукрасить эту действительность, и, возможно, в какой то мере способствовать своим романом нравственному оздоровлению общества.

Для выяснения социального лица автора и его идеологии очень важно определить также его отношение к беднякам и рабам. Один из самых привлекательных образов романа — бедный рыбак Эгилей. Он приютил Габрокома, скитавшегося в поисках Анфий, и рассказал ему однажды свою историю. Это — трогательная повесть о верной любви, пронесенной через всю трудную жизнь и не угасшей даже со смертью любимой жены (V, 1). Такая характеристика бедняка, несомненно, свидетельствует об искренних симпатиях автора к этому общественному слою. В основе своей они восходят к тем течениям, которые возникли уже в эпоху эллинизма.

¹ Ovid., Ars am., III, 239 сл.; Amor., I, 14, 16 сл.

² Iuven., Sat., VI, 212 сл.; Plin. Min., Epist., III, 16; VI, 24; Digesta, XXIII, 1, 12.

³ Ср. Plin., Nat. hist., XVII, 245, где передается мнение Л. Пизона Фруги об исчезновении целомудрия в Риме с середины II в. н. э.; Plut., Qu. conv., VII, 8; 4; 4; Mart., VII, 67.

⁴ Iuven., Sat., VI, 60—113; 346 сл.; II, 36—148; XIV, 1—37.

⁵ Lucian., Dialogi metetr., 1; 3; 15.

⁶ Alciphron., Epist., I, 6; II, 22 (по другому делению III, 25); II, 31 (по др. дел. III, 33).

В романе выведено Ксенофонтом несколько рабов: у Анфий и Габрокома рабами являются их молочные брат и сестра — Левкон и Рода, на короткое время показывается раб — педагог Габрокома; у Манто — дочери предводителя пиратов — есть раб Лампон, пасший коз в имении ее мужа, в рабы ей отданы Левкон и Рода, и Анфия с Габрокомом; далее Анфия попадает в рабство к некоей Ренеи — жене Полиида — военачальника на службе у архонта Египта; у этой же Ренеи имеется раб Клит. Габроком затем становится рабом у отставного солдата Аракса и его жены Кино. Проданные Манто, Левкон и Рода попадают в рабство к не названному по имени старику в городе Ксанфе. Упомянуты без имен рабы Анфий и Габрокома, сопровождавшие их на корабле, снаряженном родителями молодых людей. Основное качество всех родившихся рабами — верность их господам, величайшая преданность им: рабы Анфий и Габрокома, гибнущие на корабле, подожженном пиратами, и в волнах не помышляют о своем спасении и не жалуется на свою судьбу, а лишь сокрушаются о том, что ждет их господ в плену у пиратов (I, 14). Тонущий старик-педагог молит Габрокома взять его с собой, так как он не мыслит жизни без хозяина (I, 14). Левкон и Рода, оказавшиеся в руках хорошего господина, заботившегося о них, как о своих детях (старик из Ксанфа), огорчаются только тем, что не видят своих прежних господ (II, 10). Второе неперемнное качество рабов — послушание. Ни одного образа раба-ослушника Ксенофонт не дает. Даже когда приказ господина идет вразрез с нравственными устоями раба, он не смеет перечить ему: Лампон безропотно уводит Анфию по приказу Манто, но только не убивает ее, как она велела, а продает (человеческая жалость берет все же верх) (II, 11). Клит, несмотря на сочувствие, которое он питает к Анфии, продает ее по приказу Ренеи (V, 5). Разумеется, Анфия и Габроком, ставшие рабами на какое-то время вследствие несчастья, этими чертами не характеризуются. Им (точнее одному Габрокому, так как Анфия, как женщина, выведена более слабой) неприсуца приживленность и покорность, свойственные прирожденным рабам: Габроком проявляет стойкость духа и склонность к протесту против рабского угнетения.

Если рабы все однотипны — верны и послушны господам, то господ Ксенофонт выводит различных, что вызвано, несомненно, и социальными причинами. Анфия и Габроком как рабовладельцы — добры и ласковы к своим рабам: Габроком, видя, как тонет его воспитатель, молит пиратов подобрать его (I, 14); и он, и Анфия дружелюбно беседуют со своими рабами (II, 4); увидевшись после долгой разлуки, они радуются им как родным (IV, 12); когда они избавляются от всех опасностей и благополучно возвращаются на родину, то делают рабов Левкона и Роду членами своей семьи (V, 15). Отставной воин и старик из Ксанфа относятся к своим рабам также хорошо, последний даже оставляет им богатое наследство. Совершенно иначе обращаются с рабами Манто, Ренея и Кино. Они подвергают их побоям за малейшую провинность, клеветают на них, готовы даже убить. Раба подвергают тяжелому наказанию по недокazanному обвинению в покушении на честь госпожи (II, 7); рабу, якобы убившему своего хозяина, грозит смертная казнь на кресте или в огне (IV, 2); рабыню продают по прихоти ее хозяйки (V, 5), рабов ссылают, продают. Таким образом, господа добрые и гуманные являются положительными персонажами, господа жестокие и несправедливые — отрицательными. Такое деление действующих лиц, при котором отношение к рабам является одним из критериев для оценки личных качеств человека, чрезвычайно ярко характеризует и самого писателя: если он считает плохим человеком того, кто жесток с рабами, значит сам он симпатизирует рабам. Об этом же свидетельствует и то, что Ксенофонт Эфесский увидел в рабах не только верность и послушание; он заметил в них и хорошие человеческие качества — доброту, честность, отзывчивость (таков у него Лампон), отразил и их глубокие душевные переживания (например, внутреннюю борьбу Роды и Левкона: они должны выполнять приказания своей теперешней хозяйки Манто, идущие во вред их настоящим господам, Анфии и Габрокому, которым они сердечно преданы).

В выражении сочувствия к рабам Ксенофонт не был одинок, и это также было веянием времени и отражением в известной мере тех направлений в отношении к рабам, которые отличали римское общество периода I—II веков н. э. Ювенал, гневными сти-

хами клеймивший пороки высшего общества, нашел теплые и ласковые слова для описания раба с честным взглядом и открытым характером, которому взгрустнулось по родной матери, по дому ¹. У Алкифрона имеются два письма, с сочувствием рисующие сопротивление рабыни ненавистному ей своими домогательствами хозяину, который за отказ грозит ей ссылкой на тяжелые полевые работы ².

Показав жестокость господ по отношению к рабам, Ксенофонт обнажил тем самым язвы современного ему общества — воззрение на жизнь человека в рабском состоянии; как на нечто очень дешевое ³. Хотя эти невольные разоблачения и показывают уродства, присущие рабовладельческому строю, но осуждения его не чувствуется ни у Лонга, ни у Ксенофонта. Это отсутствие осуждения рабства видно у Ксенофонта в самом показе высоких моральных качеств рабов: их верность, это — верность хозяину; привязанность — но к рабовладельцу; доброта и отзывчивость — также по отношению к господам, честность — не позволяющая обманывать все тех же господ. Таким образом эти «положительные» качества раба, которые привлекают Ксенофонта; совсем другого порядка, чем те, которые увидел у раба Ювенал. Его раб — человек с собственными чувствами и переживаниями; он не раболепствует перед своим господином, он — выше него: те, кто «одеты в огненный пурпур», неизмеримо ниже этого раба с честным взглядом и открытым характером. Произведения и Ювенала и Лукциана, которые резко бичуют блаженствующих в роскоши рабовладельцев, язвительно насмехаясь над их пороками ⁴, вызывают совсем иное представление о рабах и жестокостях и несправедливостях рабства вообще, чем роман Ксенофонта Эфесского, хотя он с горечью описывает то что выпадает на долю тружеников, и особенно рабов. Описывая, как наказывал Габрокома глава пиратов Апсирт за мнимое осквернение его дочери, Ксенофонт замечает: «Зрелище было горестное: удары уродовали все тело, не привыкшее к рабским побоям» (II, 6). Этим самым Ксенофонт обмолвился, что рабы-то; значит, успевали «привыкнуть» к таким побоям. В другой раз он говорит о том, что Габрокому в поисках средств к жизни пришлось заняться трудом каменотеса. «И была для него эта работа тяжелой, ибо не привыкло его тело подвергаться труду напряженному и жестокому» (V, 8). И он мысленно жаловался Анфии на то, что «занялся позорным ремеслом, и тело его в рабстве». Осуждая в какой-то мере рабство, Ксенофонт, как мы видим, в то же время и утверждает его, если занятие трудом он рассматривает как позорное ремесло, как удел рабов. В этом своем воззрении на труд, как на деятельность преимущественно рабскую, Ксенофонт не отличался от своих современников. Такое отношение свободных к физическому труду было характерным для мировоззрения рабовладельческого общества вообще ⁵. В то же время та оценка раба, которая воплощена в его романе, согласовалась и с интересами рабовладельцев второй половины II в. н. э., так как сократившийся к этому времени приток рабов извне, восстания рабов, неэффективность принудительного рабского труда диктовали по отношению к рабам необходимость смягчения их участи, менее жестокое обращение с ними, заботу о содержании больных и престарелых рабов, наконец, наказания господ за плохое обращение с рабами. Об этом свидетельствует ряд мер и законов, проведенных в пользу рабов, в конце I в. и особенно во II в. н. э. ⁶.

¹ I u v e n., Sat., XI, 149—154.

² A l c., Epist., II, 24—25.

³ Точно так же вскрыл жестокость рабладения и Лонг, хотя, по внешнему впечатлению, он как будто бы его прославляет. При всей идеализации жизни рабов, Лонг не мог не заметить, что за испорченный цветник господин может повесить своего раба, что рабовладелец может отдать раба на поругание гнусному развратнику (L o n g, Daphn. et Chloë, IV, 8, 17).

⁴ I u v e n., Sat., XI, 155 сл.; I, 24; XV, 224; L u c., Tim. sive Misanthr., 23, 28; Fugit., 12, 18—19; Cronosol., 14; Epist. Sat., 19.

⁵ См. К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 450.

⁶ Digesta, I, 6, 2; SHA, vita Hadriani, XVIII, 7, 8, 9, 11; G a i Institutiones, I, 53.

Таким образом, в этом двойственном отношении Ксенофонта Эфесского к рабам, характерном, как я старалась показать это выше, для периода ранней империи, также возможно усматривать еще одно из оснований для датировки романа именно II в. н. э.

Однако никакие смягчительные меры не были в состоянии предупредить или ослабить общий кризис рабовладельческой формации, начавший обнаруживаться уже в конце II в. и нашедший отражение в романе в распространении разбойничества как одного из его симптомов. Ксенофонт описывает (или только упоминает) несколько разбойничьих шаек. Первая шайка пиратов, от которой пострадали герои романа, находилась под главенством крупного предводителя Апсирта (I, 13). Этот Апсирт — лицо весьма богатое и, видимо, влиятельное в городе. В окрестностях Тира он имеет имение, в самом городе — собственный дом, тирские граждане восхваляют красоту его пленных, когда он ведет их открыто по городу; он выдает дочь замуж за сирийского богача, которого сосватал во время торговой поездки. Таким образом, он выступает в романе и как пират, и как купец, ведущий внешнюю торговлю. Вторая шайка, в руки которой сначала попадает одна Анфия, — сухопутные киликийские разбойники, предводителя которых зовут Гиппофой (II, 11). Разбойники появляются в романе и в случае ограбления skleпa с мнимо-умершей Анфией (III, 8). Нападение «местных пастухов» также представлено как появление разбойников (III, 12). Здесь, безусловно, имеется в виду движение знаменитых буколов, египетских крестьян и рабов, скрывавшихся от гнета землевладельцев и правительства. Известно, что они неоднократно с успехом восставали в течение двух с лишним веков: II—IV вв. н. э. Этих «разбойников» более подробно, чем Ксенофонт Эфесский, описывают также Гелиодор¹ и Ахилл Татий². Пленение Анфии производится возродившейся шайкой Гиппофоя. Эта шайка насчитывала 500 человек, и Гиппофой, захватив высоты Эфиопии и устроив здесь пещеры, решил грабить проезжающих в Эфиопию и Индию купцов (IV, 1).

В изображении разбойничества Ксенофонт, несомненно, опирался на реальные события современной ему жизни. Известно, что именно во II в. разбойничество приняло столь широкий размах, что императорская власть, особенно Септимий Север, оказалась вынужденной принять ряд энергичных мер. По большим дорогам и малолюдным местам, по провинциальным городам правительство расставляло сильные отряды военизированной полиции для вылавливания разбойников³. Специально для борьбы с ними во II в. н. э. была установлена особая должность принарга — «блюстителя спокойствия». Именно такой принарг Киликии Перилай и разгромил первый отряд Гиппофоя (II, 13). Однако Гиппофой набирает новый отряд в Кашадокии (III, 1). Несмотря на преследования разбойников правительством (успешность этой борьбы преувеличена: шайки рассыпаются при первом столкновении с карательными отрядами), в романе изображена большая свобода их действий. Разбойники открыто продают своих пленников в городах, предводитель пиратов, как выше упоминалось, является одним из самых уважаемых лиц в городе Тире. Возможно, что и эта легальность деятельности пиратов-разбойников отражение действительного факта. Хотя они и мешали нормальной деятельности жителей провинций, дезорганизовывали торговлю, нарушали спокойствие частных лиц, однако, они были нужны рабовладельцам, поскольку доставляли им живую силу, притока которой они лишились с уменьшением числа захватнических войн. Поэтому власти иногда могли смотреть сквозь пальцы на преступную деятельность пиратов-работорговцев и предводителями ими шаек. Ксенофонт, разумеется, не показывает классового состава разбойников и не раскрывает социальной сущности разбойничества.

Доказательством того, что многие события в романе имели совершенно реальную почву, является упоминаемый в романе в качестве действующего лица один индийский

¹ Heliod., *Ethiop.*, I; 5; 6; 10.

² Ach. Tat., III, 9; IV, 12.

³ Digesta, XLIII, 8; 10; 16; L, I; Cass. Dio, XXXVI, 3; CIL, III, 1, 3385; VIII, 2494—95; Luc. Abx., 44.

царек, приехавший в Александрию по торговым делам. Известно, что в правление Антонинов внешние связи Римской империи были особенно обширны и поддерживались даже с такими далекими странами, как Индия. Источники отмечают, что в правление Антонина Пия Рим посетило индийское посольство.

Наконец, нашедшие отражение в романе религиозные и философские вопросы также дают дополнительные возможности датировать роман II в. Герои романа поклоняются с одинаковым благоговением и старым олимпийским божествам (Артемиде, Гелиосу, Эроту и др.), и египетским богам, особенно Исиде. Интенсивное проникновение восточных культов в римскую религию отличало именно период II в. и приходится как раз на правление Антонинов и Северов. То значение, которое приобрел в императорскую эпоху культ Исиды, отразилось также и в произведениях Ювенала и Апулея.

Христианство еще не проникло в роман. В это время оно было еще слишком слабым, чтобы воздействовать на языческую литературу, но некоторые мотивы, в которых возможно усмотреть сходство с христианскими воззрениями, имеются в «Эфесских повестях», поскольку идеи, вскормившие христианство, можно сказать, носились в воздухе. Например, Анфия говорит: «Умрем же, Габроком. Мы будем владеть друг другом после смерти» (II, 1). Правда, вера во встречу после смерти была распространена и раньше¹, однако наибольшего развития она достигла в христианской религии. Мистицизм и магия, получившие в это время большое распространение на почве всеобщего отчаяния, порожденного экономическим, политическим, умственным и моральным разложением античного общества, особенно характерны для I—II вв. н. э.²

Возможно, что под влиянием идей, родственных с христианством, в романе Ксенофонта Эфесского и в романах других писателей героям приданы некоторые черты моральной характеристики, например, их отличает пассивная покорность всем испытаниям, хотя надо сказать что и в романах и в христианстве эти черты могли возникнуть из общего источника — стоической философии. Отзвуки господствовавших этических идеалов стоицизма можно усматривать и в словах одного пирата, который уговаривал Габрокома уступить страсти его приятеля: «Но ты должен все предоставить судьбе и покориться настоящей участи» (I, 16), и в жизненной философии героев романа: дух человека свободен, мучители имеют власть только над его телом (II, 4)³. Следовательно, эти муки можно и должно претерпеть, тем более, что предопределение свыше указало не только на необходимость страданий, но также и на благоприятное их окончание.

Таким образом, представляя собою памятник II века, роман Ксенофонта Эфесского является одновременно и источником для изучения этого века. Вместе с тем он дает нам возможность в известной мере судить и о мировоззрении самого автора.

Г. Г. Козлова

¹ См. например, Н о м е р, *Odyss.*, X, 504 сл., XI; А r i s t o p h., *Ranae*; V e r g i l., *Aeneis*, VI.

² Ф. Э н г е л ь с, К истории раннего христианства, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 416—417; Б. Бауэр и раннее христианство, там же, т. XV, стр. 608.

³ В этих словах настолько близкое совпадение с мыслью Сенеки (*De benefic.*, III, 20, 1), что можно думать о прямом заимствовании Ксенофонтом у Сенеки. В этом не было бы ничего удивительного.